

РАЗВОД.
ГОСПОДИН МЭР,
ОСВОБОДИТЕ КРЕСЛО

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

Виолетта Весна

**Развод. Господин мэр,
освободите кресло**

«Автор»

2026

Весна В.

Развод. Господин мэр, освободите кресло / В. Весна — «Автор», 2026

Восемнадцать лет я была женой Кирилла Воронцова — человека, который привык отвечать за целый город и незаметно разучился спрашивать меня. Последней границей стал предвыборный фильм: мой дом, мой голос, наша дочь — после того, как я письменно запретила использовать семейный архив. Я подала на развод. А через несколько дней выдвинулась против действующего мэра. Теперь мы делим не только дом и прошлое. Мы спорим за кресло главы Реченска, выдерживаем паводок, грязные утечки и проверку, способную уничтожить обе кампании. Чтобы победить, мне придется признать собственную ошибку. Чтобы снова поверить Кириллу, — увидеть, способен ли он отказаться от власти там, где раньше выбирал за двоих. Город решит, кто из нас достоин стать мэром. Но только я решу, получит ли мой бывший второй шанс.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Чужая жена на моем экране	5
ГЛАВА 2. Цена одной фразы	11
ГЛАВА 3. Кандидат против мужа	17
ГЛАВА 4. Три тысячи подписей	22
ГЛАВА 5. Семейный архив	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виолетта Весна

Развод. Господин мэр, освободите кресло

ГЛАВА 1. Чужая жена на моем экране

Первым на экране появился наш кухонный стол.

Я узнала царапину у края столешницы, старую синюю кружку Кирилла и собственную руку, которая поставила перед ним тарелку с сырниками. Запись сделали пять лет назад, ранним утром перед финалом его первой кампании. Тогда оператор попросил нас не смотреть в камеру и вести себя как обычно. После победы мужа слово «обычно» постепенно стало означать то, что удобно показать посторонним.

В зале городского культурного центра погасили свет. На большом экране Кирилл улыбался мне, молодой ровно на те пять лет, которые мы прожили после его избрания. За кадром звучал мой голос:

— Надежность начинается дома.

Эту фразу написал Марк Селиванов. Я произнесла ее после трех дублей и больше всего хотела вернуться к работе.

Я встала.

Слева от сцены сидели руководители городских предприятий, депутаты и представители общественных организаций. Справа разместились журналисты. Камеры работали с начала отчета, хотя официальная часть закончилась двадцать минут назад. В приглашении этот блок назывался встречей инициативной группы. Аренду зала, экран и трансляцию оплачивал предвыборный фонд после выдвижения либо сама группа до него. Я успела проверить табличку организатора у входа. Муниципальной символики на ней не было.

К самому объявлению Кирилла у меня не имелось правовых претензий. К моей кухне — имелись.

До начала фильма Софья Лунина пересела на свободное кресло рядом и спросила, знала ли я о встрече инициативной группы после отчета.

— В приглашении был только годовой отчет, — ответила я.

— У входа второй комплект аккредитации. Без герба, организатор — гражданская группа «Реченск действует».

— Значит, Кирилл объявит о втором сроке.

Я сказала это спокойнее, чем почувствовала. Год назад он обещал обсуждать решение со мной. Два месяца назад после нашей ссоры утверждал, что договор с Марком нужен только для предварительной оценки. Три недели назад, когда я переезжала, называл кампанию одной из возможностей.

Софья не включала запись.

— Комментарий дадите после?

— По отчету центра — да. По кампании Кирилла — у его штаба.

— А как супруга?

— Такой должности нет.

Она вернулась к журналистам. На сцену вышел организатор второй части и поблагодарил спонсоров аренды. Я записала названия двух организаций. Обе были частными, одна ранее поддерживала первую кампанию. Сотрудники мэрии в зале сняли служебные значки и пересели из первых рядов к выходу. Антон Стрельцов остался только до окончания отчета, затем ушел. Разделение выглядело подготовленным. Кирилл знал, где заканчивается официальное мероприятие и начинается агитация.

Именно поэтому использование семьи нельзя было списать на небрежность городской пресс-службы. Фильм заказали отдельно, проверяли отдельно и показывали перед людьми, которых пригласили как будущих сторонников.

Марк прошел вдоль первого ряда, коротко поздоровался со мной и не спросил, готова ли я сниматься или выступать. Я остановила его.

— В программе есть мое участие?

— Только архивная хроника. Ничего нового.

— Мое согласие отозвано для старых материалов тоже.

— Юристы смотрели документы, Лиза. Сегодня исторический отчет, не семейный ролик.

— Пришлите заключение.

— После мероприятия.

Он ушел к сцене. Я могла выйти из зала и позвонить адвокату. Осталась, потому что хотела увидеть, выполнен ли запрет, и потому что часть меня все еще верила: Кирилл не позволит штабу использовать наши записи после прямого письма.

Через минуту на экране появилась кухня.

На экране появилась Дарья в выпускном платье. Ей было семнадцать. Она смеялась, придерживая одной рукой волосы, а Кирилл поправлял ей ленту через плечо. Следующим кадром должен был идти наш отпуск. Я помнила монтаж первой версии.

Я прошла к техническому столу.

— Остановите показ, пожалуйста.

Молодой мужчина в гарнитуре посмотрел на сцену, где Кирилл стоял у трибуны, и не коснулся панели.

— У нас утвержденный ролик.

— В нем используются мои изображение и голос после письменного отзыва согласия. Я передала уведомление заказчику, подрядчику и студии два месяца назад. Остановите показ и сохраните текущую копию файла.

Он снова посмотрел на сцену. На этот раз Кирилл уже видел меня. Между нами было около двадцати метров, рядов десять кресел и восемнадцать лет брака, который он, по-видимому, считал достаточным разрешением.

Кирилл сказал что-то организатору. Тот поднял ладонь. Экран погас на кадре, где мы вдвоем стояли у реки.

В зале заговорили сразу десятки людей. Технический директор снял гарнитуру.

— Файл не удаляйте, — повторила я. — Он понадобится комиссии и юристам.

— Елизавета Сергеевна, пройдемте за сцену, — попросил организатор.

Я собиралась именно так и поступить. Утром я написала Кириллу, что после мероприятия хочу обсудить совместное заявление о разводе. Он ответил: «Не сегодня». За три недели моей жизни в отдельной квартире это был четвертый день, который ему не подходил.

Кирилл спустился со сцены прежде, чем я дошла до бокового прохода.

На нем был темно-синий костюм без значка мэрии. Седина на висках стала заметнее под светом прожекторов. Я помнила, как утром выбирала ему галстук перед первыми дебатами пять лет назад. Сегодня галстук выбирал кто-то другой или он сам. Этот бытовой факт оказался единственным, к которому я не была готова.

— Лиза, давай выйдем, — тихо сказал он.

При посторонних он обычно называл меня Елизаветой. Старое обращение прозвучало как попытка вернуть разговор туда, где решения принимались без свидетелей.

— Сначала объясни, почему показали фильм.

— Сейчас не место.

— Место выбрал твой штаб.

К нам уже двигались журналисты. Софья Лунина шла первой, держа телефон экраном вниз. Она знала, что до ответа камеру лучше не поднимать. Остальные такой деликатностью не отличались.

Марк появился справа от Кирилла. Пять лет назад он носил мятые пиджаки и убеждал всех, что хороший консультант обязан выглядеть незаметно. Теперь пиджаки сидели на нем безупречно, а привычка говорить за заказчика сохранилась.

— Произошла техническая накладка, — сообщил он. — В эфир ушла архивная версия. Мы разберемся и принесем извинения.

— Это финальный файл с сегодняшней датой экспорта, — сказал технический директор у меня за спиной. — Архивная версия называлась иначе.

Марк посмотрел на него так, словно тот нарушил заранее утвержденный сценарий.

— Кто согласовал фильм? — спросила я.

— Разговор не для камер, — ответил Кирилл.

Софья подняла телефон.

— Тогда можно зафиксировать, что госпожа Воронцова отозвала согласие, а штаб отказывается назвать согласовавшего?

Кирилл коротко посмотрел на Марка. Тот едва заметно качнул головой.

— Финальную версию утвердил я, — сказал муж. — Юридическую допустимость материалов проверял подрядчик. Показ остановлен. До проверки ролик использоваться не будет.

Он говорил спокойно, как на заседании думы, когда принимал неудобное бюджетное решение. В первые годы меня восхищало его умение не прятаться за подчиненными. Позже я поняла, что признание ответственности мало значит, если за ним сразу следует объяснение, почему другого решения почти не существовало.

— Вы знали об отзыве согласия? — спросила Софья.

— Мы ответим после изучения документов.

— Кирилл их получил, — сказала я.

Он повернулся ко мне.

— Лиза.

— Уведомление доставили второго марта. В штаб — третьего. В студию — четвертого. У меня есть подтверждения.

Кто-то спросил, почему я заранее не предупредила организаторов. Еще один голос потребовал объяснить, правда ли мы живем отдельно. Вопросы перестали различаться. Каждый хотел получить короткую семейную историю, в которой можно выбрать виновного до ночного выпуска новостей.

Я посмотрела на погасший экран. На нем остался серый прямоугольник, но в памяти продолжала стоять Дарья в выпускном платье. Ее никто даже не спросил, хочет ли она снова стать доказательством надежности отца.

— Мы с Кириллом живем отдельно три недели, — сказала я. — Сегодня я намеревалась предложить ему подать совместное заявление о расторжении брака. После показа мое решение не изменилось.

В первом ряду кто-то резко втянул воздух. Марк сделал шаг ко мне, но Кирилл остановил его движением ладони.

— Вы объявляете о разводе? — переспросил журналист местного телеканала.

— Я сообщаю о собственном решении. Причина не связана с изменой или третьим человеком. Остальное относится к нашей частной жизни. К публичной части относится другое: мое изображение, голос и записи дочери нельзя использовать в агитации только потому, что кандидат считает семью преимуществом.

— Это месть за второй срок?

— О его решении я узнала вместе с вами.

Я не стала добавлять, что год назад Кирилл обещал обсуждать второй срок со мной. Обещание супруге не было избирательной процедурой. Для города имело значение его право баллотироваться. Для меня — то, что в очередной раз он счел обсуждением уведомление о готовом решении.

— Елизавета, достаточно, — произнес Кирилл.

В его голосе не было угрозы. Там была старая уверенность, что он лучше видит момент, когда мне следует остановиться.

— Для тебя, возможно.

Я попросила технического директора передать копию файла моему адвокату по официальному запросу, назвала Софье адрес для письменных вопросов и пошла к выходу. Журналисты двинулись следом, но охрана культурного центра удержала их у дверей. Я не просила об этом. Организатору просто требовалось освободить проход.

На площади еще не стемнело. Майский вечер был прохладным, люди у входа проверяли телефоны и оглядывались на меня. Мое заявление уже появилось в городском канале. Я увидела собственное лицо на чужом экране раньше, чем успела дойти до ступеней.

— Елизавета.

Кирилл догнал меня у края площади. Без трибуны он казался выше, а без микрофона говорил тише. За ним никого не было. Марк остался внутри разбираться с прессой.

— Машина ждет на боковой улице, — сказал Кирилл. — Там можно поговорить спокойно.

— Моя машина на парковке.

— Я знаю.

Конечно, знал. В прежней жизни я назвала бы это вниманием. Сегодня знание о том, где я поставила автомобиль, только напомнило, сколько моих привычек оставались для него доступными после переезда.

— Ты планировала это? — спросил он.

— Развод — да. Сцену перед журналистами — нет.

— Ты могла подойти ко мне до начала.

— Я писала утром.

— У меня был отчет.

— А у меня был письменный запрет, полученный два месяца назад.

Он провел большим пальцем по переносице. Так Кирилл делал, когда понимал, что совещание пошло не по плану, но еще надеялся вернуть его к повестке.

— Старый фильм показывали только как хронику. Юристы считали, что согласие покрывает архивный материал.

— Какие юристы?

— Подрядчика.

— Ты видел мой отзыв?

Пауза была недолгой. Для незнакомого человека она ничего бы не значила. Я знала Кирилла слишком давно.

— Я получил письмо, — ответил он. — Приложения передал Марку и юристам.

— Это не ответ.

— Сейчас я не готов обсуждать формулировки документа на площади.

— Тогда завтра обсудим у адвоката.

— Завтра у меня заседание по бюджету.

— В девять утра. Маргарита Ковалева пришлет адрес твоему юристу. Если не придешь, я подам заявление в установленном порядке одна.

— Нам не нужен развод.

— Тебе не нужен. Я уже три недели живу на Речной.

— Ты сказала, что тебе нужно время.

— Я сказала, что съезжаю, потому что ты снова объявил об общем решении без меня. Потом попросила не использовать семью во второй кампании. Сегодня ты объявил о втором сроке и поставил меня в ролик.

— Я собирался поговорить после запуска.

— Именно поэтому я ухожу.

Он смотрел на меня прямо. В карих глазах не было привычной уверенности. Я могла бы назвать это растерянностью, но не знала, что он чувствовал. Я видела только, как он дважды начал фразу и не закончил.

— Ты выставила наш брак на голосование всего города, — произнес он наконец.

— Нет. Я планировала уйти тихо. Это ты вывел нашу кухню на экран.

Со стороны входа донеслись голоса. Журналисты заканчивали разговор с Марком и скоро должны были выйти на площадь.

Кирилл оглянулся на двери, потом снова на меня.

— Хорошо. Завтра в девять. Без прессы.

— С двумя адвокатами.

— С двумя адвокатами, — повторил он.

Я сделала несколько шагов, затем обернулась.

— И передай штабу: фильм нужно снять со всех площадок, которые вы контролируете. Копии у чужих каналов никуда не исчезнут, но продолжать распространение вы можете прекратить сегодня.

— Передам.

— Письменно.

— Письменно, Елизавета.

Я дошла до парковки, открыла машину и только тогда посмотрела телефон. Двадцать семь пропущенных вызовов. Пять сообщений от Нины. Три от матери. Одно от Дарьи: «Мам, почему мое выпускное снова показывают в политике?»

Сначала я позвонила Нине. Она ответила из приемной центра, где на заднем плане звонил второй телефон.

— Клиенты видели эфир, — сказала она. — Две женщины спрашивают, не отменится ли завтрашний прием. Журналист областного канала хочет комментарий от сотрудников о вашем браке. Я отказала.

— Правильно. Составь для всех одну фразу: центр продолжает работу и не комментирует личную жизнь директора. Если спрашивают о фильме, направляй к моему адвокату.

— А у тебя есть адвокат по разводу?

— Через пять минут будет.

— Ты объявила раньше, чем договорилась с Маргаритой?

— Я договорилась с собой три недели назад.

Нина не стала утешать.

— Завтра в десять у тебя прием по выселению семьи из общежития. Если не спала, передай другому юристу. Они не должны платить за твой публичный вечер.

— Передам Игорю и проверю документы утром.

— Так уже лучше.

После разговора я отправила сотрудникам короткое сообщение и закрыла рабочий чат. Громкое решение не освобождало от обязанности обеспечить чужой прием на следующий день.

Ответить Дарье сразу я не смогла. Сначала переслала Маргарите запись трансляции, фотографии уведомлений и короткую просьбу подготовить совместное заявление к девяти утра. Потом написала Нине, что завтра приеду в центр позже и что сотрудникам не следует комментировать мой брак.

Последним открыла сообщение дочери.

«Ты права спрашивать. Я не давала согласия на этот показ и добьюсь удаления. Папа тоже получит твой вопрос. Я позвоню, когда ты скажешь, что готова говорить».

Перед отправкой я перечитала текст. В нем не было просьбы понять меня или занять мою сторону. Это оказалось труднее, чем публично объявить о разводе.

Когда я выехала с парковки, запись моей фразы уже разошлась по десяткам каналов. Утром она была личным решением. К вечеру стала первым событием чужой кампании.

ГЛАВА 2. Цена одной фразы

К девяти утра мое заявление о разводе посмотрели больше трехсот тысяч раз. Население Реченска было немногим больше.

В приемной Маргариты Ковалевой работал телевизор без звука. На экране я снова подходила к сцене, Кирилл спускался навстречу, а бегущая строка обещала зрителям «семейный удар по выборам мэра». Я попросила секретаря выключить его.

— Уже хотела, — сказала она. — Но Маргарита Олеговна просила дожидаться вас. Это доказательство того, что мы ничего не успеем сделать с копиями.

Разумно. И неприятно.

Маргарита встретила меня в переговорной. Перед ней лежали две тонкие папки: развод и претензия к штабу. Она специально разделила документы, чтобы одно не стало условием другого.

— Общих несовершеннолетних детей нет, спор о самом расторжении Кирилл не заявлял, — сказала она. — Если он подпишет совместное заявление, после установленного срока вы придете на регистрацию. Имущество оформим отдельно. Дом, счета, автомобиль, личные вещи. Квартира на Речной приобретена вами до брака и в соглашение не входит.

— Я знаю порядок.

— Как юрист — да. Как сторона — сегодня лучше услышать его от другого юриста.

Я сняла пиджак и повесила на спинку стула. Ночью я спала меньше трех часов. Сначала отвечала Дарье, потом наблюдательному совету центра, затем составляла для Нины инструкцию на случай визита журналистов. Только около четырех поняла, что занимаюсь всеми последствиями, кроме собственного развода.

— Дом продаем, — сказала я. — По независимой оценке. Совместные накопления делим поровну. Мою претензию к фильму в соглашение не включать. Никаких условий о комментариях и кампании.

— Именно так я и подготовила.

— Если он предложит больше денег за отказ от претензии, я откажусь.

— Сначала дайте ему возможность ничего такого не предлагать.

Маргарита редко позволяла себе личные замечания. Я приняла это к сведению и открыла папку с заявлением.

Кирилл пришел в девять без двух минут вместе с адвокатом Виктором Кругловым. Марка не было. На муже оказался тот же костюм, но другая рубашка. Значит, он ночевал в доме и успел переодеться. Я ненавидела, что по-прежнему замечала такие вещи.

Мы поздоровались. Круглов и Маргарита сразу договорились о порядке: сначала развод, потом фильм, затем публичный комментарий только при взаимном согласии.

— Начнем с комментария, — сказал Кирилл. — Он нужен до заседания думы. Сейчас создается впечатление, что городской отчет был прикрытием для семейного конфликта.

— Для меня семейный конфликт стал содержанием вашего фильма, — ответила я.

— Именно поэтому нам нужно совместное заявление. Мы можем сообщить, что временно живем отдельно и решаем личные вопросы без влияния на работу города.

— Это будет неправдой. Я не считаю разрыв временным.

Кирилл посмотрел на лежащий передо мной бланк.

— Ты уже решила окончательно?

— Три недели назад. Вчера решение услышали остальные.

— Три недели назад ты сказала, что больше не можешь жить в доме во время подготовки кампании.

— Я сказала, что больше не могу жить там, где общее решение сначала принимают без меня, а потом сообщают как неизбежное.

Круглов перевел взгляд на Маргариту. Та не вмешалась. Разговор еще касался согласия на развод, а не попытки убедить судью в чьей-либо правоте.

Кирилл положил ладони на стол.

— Отложим подачу до окончания выборов. Не ради меня. Администрации предстоит бюджетная корректировка, ремонт моста и паводковый сезон. Публичный развод руководителя города будет использоваться против любого решения.

— Значит, жители должны четыре месяца смотреть на образ семьи, которой уже нет?

— Ролик снят.

— Копии остались. Журналисты будут спрашивать. Если я соглашусь молчать, твой штаб назовет это ответственностью. Если заговорю позже, меня назовут соучастницей обмана. Ты предлагаешь защитить город моей ложью.

— Я предлагаю не превращать личную историю в центр кампании.

— Тогда подпиши заявление и обсуждай программу.

Кирилл откинулся на спинку стула. На совещаниях после этого движения он обычно задавал вопрос, к которому готовился заранее.

— Если вчерашний фильм не показали бы, ты подала бы сегодня?

— Да.

— Публично?

— Нет. Мы сообщили бы после регистрации либо раньше, если бы возник прямой вопрос.

Он помолчал, потом повернулся к своему адвокату.

— Правовых препятствий нет?

— При обоюдном решении и отсутствии несовершеннолетних детей — нет, — ответил Круглов. — Имущественное соглашение готовится независимо.

— Дайте ручку.

Я ожидала еще одного круга переговоров и почувствовала себя человеком, который продолжал давить на закрытую дверь после того, как ее открыли. Кирилл прочитал заявление полностью, уточнил порядок уведомления и подписал оба экземпляра.

Никакой просьбы снять претензию не последовало.

Маргарита проверила подписи и убрала документы в папку.

— Подаем сегодня через согласованный сервис. Дату личной регистрации сообщат отдельно. Теперь фильм.

Перед переходом к претензии Круглов предложил закрепить единую строку для прессы. Мы потратили пятнадцать минут на одно предложение.

Его первый вариант сообщал, что супруги «совместно приняли решение после долгого обсуждения». Я вычеркнула слово «совместно»: решение о разводе приняла я, Кирилл согласился с порядком. Мой вариант звучал слишком похоже на обвинение в одностороннем разрушении семьи. Маргарита оставила только проверяемый факт: «Елизавета и Кирилл Воронцовы подали совместное заявление о расторжении брака и не комментируют частные обстоятельства до завершения процедуры».

— Слово «совместное» все равно останется, — заметил Кирилл.

— Оно относится к заявлению, а не к причине.

— Понимаю.

Круглов направил строку пресс-службе администрации только для сведения, штабу — для публикации от имени кандидата. Центр получил ее отдельно от Маргариты. Один факт проходил по трем каналам и нигде не давал Кириллу права говорить за меня дальше установленной формулировки.

Я достала уведомление от второго марта, опись вложения и три подтверждения доставки. Один комплект передала Круглову, второй положила перед Кириллом.

— Основное письмо было у тебя в почте и вручено помощнику в бумажном виде. Приложение содержало перечень файлов и требование прекратить хранение копий сверх обязательного срока.

Кирилл пролистал страницы.

— Я видел уведомление. Приложения направил Марку и юридическому подрядчику.

— Ты вчера сказал, что юристы сочли показ допустимым. На каком основании?

— Старое согласие разрешало использование материалов первой кампании.

— Для той кампании и в течение указанного срока.

Круглов наклонился к документу.

— Здесь действительно есть целевое ограничение, — сказал он. — Нам понадобится исходное согласие и заключение подрядчика.

— Оно будет, — ответил Кирилл.

— Ты смотрел фильм перед показом? — спросила я.

— Да.

— Узнал нашу кухню и Дарьино выпускное?

— Разумеется.

— И решил, что письменный отказ можно не проверять лично.

— Решил, что материал уже был опубликован законно и используется как хроника срока.

— Ты решил.

Он выдержал мой взгляд.

— Я утвердил фильм. Ответственность моя.

— Тогда почему вчера Марк говорил о технической ошибке?

— Потому что Марк считал, что нам нужно выиграть первые десять минут после остановки показа.

— А ты?

— Я пытался не отвечать до документов.

Это было похоже на правду. Оно не делало правду лучше.

Маргарита передала Круглову требование прекратить размещение фильма, сохранить исходники и сообщить список всех площадок, куда штаб направил копию.

— Мы не требуем невозможного удаления из интернета, — пояснила она. — Речь о ресурсах заказчика, подрядчиков и официальных размещениях. Отдельно просим не уничтожать монтажные документы.

Кирилл прочитал первую страницу.

— Сегодня до полудня фильм снимут со всех ресурсов штаба. Договор и монтажный лист передадим комиссии и вам по описи.

— Это распоряжение должно быть письменным, — сказала я.

— Уже отправлено.

Он повернул ко мне телефон. На экране было письмо Марку, студии и юристам с отметкой времени: восемь часов сорок одна минута. Кирилл требовал остановить распространение, сохранить материалы и дать полный отчет о размещениях.

Я вернула телефон.

— Спасибо.

Слово далось легче, чем я ожидала. Выполненное требование не отменяло нарушения, но я не собиралась превращать справедливость в обязанность отрицать любой правильный поступок мужа.

— Теперь комментарий, — сказал Кирилл. — Мы оба подтверждаем подачу заявления, просим не вмешивать Дарью и сообщаем, что администрация и твой центр работают в обычном порядке.

— Последнее уже неверно. Центр получает звонки с ночи.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Каждый говорит за себя. О разводе — одна общая фактическая строка после подтверждения подачи. О работе — администрация и центр отдельно. Никаких слов о временном разрыве, взаимном уважении и сохранении семьи.

— Взаимное уважение тоже отменено?

Вопрос прозвучал почти спокойно, но я знала, что Кирилл не шутит.

— Уважение не доказывают пресс-релизом.

Он кивнул Круглову.

— Подготовьте фактическую строку. Без оценки отношений.

Мы вышли из кабинета через сорок минут. В коридоре Кирилл задержался у окна, пропуская адвокатов вперед.

— Ты правда узнала о втором сроке в зале? — спросил он.

— Да.

— Марк говорил, что с тобой согласовали приглашение и формат.

— Приглашение согласовала помощница центра. На ежегодный отчет. Я не знала о фильме и объявлении.

Он достал телефон, но не стал никому звонить.

— Проверю переписку.

— Проверь сначала сам, потом сообщи юристу. Мне не нужен очередной ответ Марка вместо твоего.

— Принято.

Я чуть не сказала, что мы больше не на совещании. Потом поняла: для Кирилла короткое «принято» сейчас было способом не спорить с границей, которую он наконец услышал.

У дверей он остановился.

— Лиза, я подписал заявление потому, что не буду удерживать тебя процедурой. Но я не считаю, что между нами все закончено.

— Развод не требует одинаковых чувств. Он требует двух подписей, если мы выбрали совместный порядок.

— Я знаю.

— Тогда до встречи по документам.

Он ушел к ожидавшей машине. Я поехала в центр.

На первом этаже дежурили два журналиста. Один спросил, правда ли организация получала городские гранты благодаря мужу. Второй хотел узнать, кто оплачивает мой развод. Нина встретила меня в дверях, вывела обоих на улицу и закрыла приемную на десять минут.

В малом кабинете ждали сотрудники центра. Восемь человек, которые за ночь стали для журналистов свидетелями моего брака, хотя работали со мной по трудовым договорам.

— Никто не обязан подтверждать, хорошей ли женой я была, — сказала я. — По рабочим вопросам отвечаем документами. Если давление мешает приему, фиксируйте звонки без записи содержания консультаций и передавайте Нине.

Игорь согласился взять дело об общежитии. Молодая юристка Алена спросила, может ли поставить на личной странице мою речь со словами поддержки.

— Как частное лицо можешь, — ответила я. — Но не используй логотип центра и не пиши, что коллектив поддержал развод.

— А если я поддерживаю вас как человека?

— Так и напиши от себя. Только сначала реши, готова ли к звонкам.

Она оставила ролик без рабочего упоминания. Через час удалила после десятка оскорблений. Я не убеждала вернуть публикацию. Свобода поддержать включала право передумать.

— Восемьдесят четыре звонка с утра, — сообщила она. — Двадцать один по реальным делам. Остальные про тебя, Кирилла или нашу бухгалтерию. Один мужчина пожелал вернуть все гранты лично ему.

— У нас нет городского гранта в этом году.

— Я ему сказала. Он расстроился.

Нина положила передо мной распечатку поступлений, список действующих проектов и проект обращения.

— Запиши видео. До минуты. Камеру поставим в зале семинаров, логотип закроем. Ты в отпуск не уходишь, политикой не занимаешься, о выдвижении речи нет. Говоришь только, что центр продолжает прием и не комментирует семейные вопросы.

— Добавлю, что показ фильма нарушил мои права.

— Нет.

— Почему?

— Потому что жалоба еще не рассмотрена. Ты адвокат и прекрасно это понимаешь. Скажи, что согласия не давала и обратилась за правовой защитой. Не выноси решение за комиссию.

Я перечитала свой черновик. Фраза «штаб незаконно использовал» действительно превращала мою позицию в установленный факт.

— Убери, — сказала я.

— Уже убрала.

— Ты могла хотя бы подождать, пока я соглашусь.

— Могла. Но тогда ролик был бы длиннее минуты.

Я не удержалась от улыбки.

Мы записали обращение с третьей попытки. Я сообщила, что заявление о разводе подано, попросила не связывать клиентов с моей личной жизнью и подтвердила, что центр продолжает работу. Отдельно сказала об отзыве согласия и официальной претензии. Ни имя Кирилла, ни слово «нарушение» не прозвучали.

После публикации положительных комментариев было меньше, чем обвинений. Одни считали меня расчетливой. Другие писали, что достойная жена должна была дожидаться окончания выборов. Третьи требовали немедленно раскрыть все семейные тайны. Я закрыла страницу.

— Поезжай домой, — сказала Нина. — У тебя сегодня нет приема.

— Есть отчет по образовательному гранту.

— Я подготовлю. Ты проверишь вечером.

— Не распоряжайся мной.

Она сняла очки.

— Тогда сформулирую как коллега: если ты сейчас с ошибками подпишешь отчет, исправлять его придется мне. Выбирай свободно.

Я выбрала квартиру.

На Речной было тихо. Здесь еще стояла бабушкина книжная стенка, а на кухне помещались только двое. За три недели я так и не разобрала последнюю коробку. В ней лежали фотографии, запасные ключи от дома и старые папки первой кампании. Я обошла коробку и поставила чайник.

Телефон показал письмо от Маргариты: заявление принято, дата регистрации будет назначена после обязательного срока. Следом пришло общее сообщение от юриста Кирилла с подтверждением снятия фильма с площадок штаба.

Я открыла городские новости. Копий стало еще больше. Удаление не возвращало вчерашний вечер назад, но прекращало новые официальные показы. Большого сегодня добиться было нельзя.

В шесть часов пришло письмо с незнакомого адреса. В теме стояло: «Встреча о будущем Реченска».

Представители четырех общественных групп предлагали мне обсудить участие в выборах главы города. В приложении лежал список из двенадцати фамилий и одна страница общих обещаний. Первым пунктом было написано: «Вернем город людям».

Я прочитала письмо дважды. Потом проверила отправителей по открытым реестрам и переслала Нине без комментария.

Она ответила через минуту: «Если это шутка, дорогая. Если серьезно, еще дороже».

Вчера я хотела перестать быть публичной женой мэра. Сегодня мне предлагали стать его соперником.

ГЛАВА 3. Кандидат против мужа

Восемь человек пришли уговаривать меня управлять городом. Пятеро из них не смогли объяснить, кто оплатит мою кампанию.

Мы встретились в малом зале городской библиотеки восьмого мая. Я настояла на нейтральном помещении и официальной аренде. За столом сидели председатель районного совета домов, два экологических активиста, руководитель союза предпринимателей, преподаватель университета, бывший депутат и две женщины, представившиеся координаторами общественной коалиции. Четыре стула остались пустыми.

— После вашего выступления люди увидели, что Воронцов потерял связь с реальностью, — начал бывший депутат. — Сейчас нужен сильный ответ.

— Мое выступление касалось согласия на семейные записи, — сказала я. — Какие городские вопросы вы хотите решить через выборы?

Он назвал тарифы, дороги и закрытый стиль администрации. Руководитель союза предпринимателей добавил аренду муниципальных помещений. Экологи заговорили о застройке берега. Чем дольше они перечисляли проблемы, тем яснее становилось: общего кандидата у них не было, общей программы тоже.

Одна из координаторов развернула ноутбук.

— Мы подготовили основу позиционирования. «Жена знает слабости мэра». На первом этапе это даст максимальный охват, затем перейдем к программе.

— Нет.

Она решила, что я не поняла.

— Это только вход в повестку. Никто не предлагает раскрывать интимные подробности. Достаточно показать, что вы были рядом пять лет и знаете систему изнутри.

— Я не работала в администрации и не имела доступа к служебным документам. Если скажу обратное, солгу. Слабости бывшего мужа не являются программой города.

— Пока он еще не бывший, — напомнил депутат.

— Заявление принято.

Я положила перед собой лист с вопросами. Полный список участников коалиции. Юридическая форма. Источники предполагаемого финансирования. Люди, получившие право принимать решения. Обязательства кандидата перед каждой группой.

Преподаватель университета усмехнулся.

— Вы проводите собеседование?

— Вы предлагаете мне поставить имя на проект, который не хотите описать письменно. Я выясняю условия.

Руководитель предпринимательского союза назвал фамилию владельца строительной компании. Тот был готов обеспечить значительную часть расходов через несколько дружественных организаций.

— В обмен на что?

— Ни на что. Он заинтересован в смене власти.

— Тогда его интерес должен выдержать публичное пожертвование из разрешенного источника и установленный предел. Дробление между связанными организациями я обсуждать не буду.

После этого разговор быстро потерял прежнюю торжественность. Бывший депутат вспомнил о другой встрече. Координатор закрыла презентацию. Предприниматель заявил, что без доверия невозможно строить коалицию.

— Доверие начинается с имен и счетов, — ответила я.

Через час за столом остались трое: председатель совета домов, эколог Ирина Сафонова и преподаватель. Они не обещали денег. Зато принесли списки нерешенных обращений и готовы были работать над программой без семейного лозунга.

— Вы все равно думаете о выдвижении, — сказала Ирина, когда мы вышли из библиотеки.

— Я думаю о том, почему двенадцать человек написали мне после одного скандала, хотя знают мою работу много лет.

— Потому что до скандала вы были женой мэра. Это несправедливо, но узнаваемость работает именно так.

— Мне не нравится цена.

— Тогда решите, можно ли потратить незаслуженное внимание на полезную работу. Или отдайте его следующему скандалу.

Она попрощалась и ушла к остановке. Я осталась у библиотечных ступеней с папкой городских обращений. Самым убедительным аргументом оказалось не предложение власти, а мысль, что через неделю все снова будут обсуждать чей-нибудь развод и ничего не изменится.

В «Точке опоры» Нина закрыла дверь моего кабинета и показала таблицу.

— Если ты идешь, я исполняю обязанности директора. Ты берешь неоплачиваемый отпуск, не ведешь прием, не пользуешься базой, залом, сотрудниками и рассылкой центра. Кампания арендует отдельное помещение. Пожертвования идут через специальный счет. Личный стартовый взнос ты потянешь.

— Я еще не сказала, что иду.

— Поэтому таблица называется «если Лиза сошла с ума», а не «избирательный бюджет».

В первой строке стояла аренда бывшей типографии. Потом печать, связь, юридическое сопровождение, транспорт и скромный резерв. Нина заложила мой личный взнос в восемьсот тысяч рублей. Половину накоплений я собиралась сохранить независимо от исхода.

— Центр выдержит? — спросила я.

— Если ты не начнешь руководить им по ночам. Совет утвердит временное назначение. Но есть проблема хуже денег.

Она открыла старый журнал рассылок. Пять лет назад, перед первой кампанией Кирилла, мы проводили семинар для председателей домов и активистов. После него штаб пригласил участников на встречу по городской программе. Контакты передала я.

— Они соглашались на информационные материалы центра, — сказала Нина. — На агитацию отдельного согласия не было.

— Тогда это еще не считалось агитационной рассылкой. Кирилл не был зарегистрирован.

— Название встречи и подпись штаба сохранились. Ты остановила вторую рассылку после моей записки. Первую не отозвала и совету не сообщила.

Я помнила. В тот вечер мы с Кириллом сидели на полу в его первом штабе и сортировали обращения. Он сказал, что эти люди уже обсуждали городские проблемы и будут рады продолжить. Я согласилась, потому что верила в его программу и считала формальное разделение пустой осторожностью.

Теперь я требовала от него уважать цель согласия на семейный архив.

— Подними всю хронологию, — сказала я. — Файл не использовать и никому не пересылать. Сначала установим, кому и что отправили.

— Это не исчезнет, если ты не пойдешь на выборы.

— Знаю.

— Но при выдвижении его обязательно найдут.

— Тоже знаю.

Нина закрыла журнал.

— Тогда решай не сегодня вечером. Сначала поговори с матерью. Она умеет портить красивые планы реальностью.

Тамара Сергеевна жила в двадцати минутах от центра и считала доставку еды признаком нравственного упадка. Когда я приехала, на столе стояли котлеты, салат и компот. Мама выслушала рассказ о библиотеке, не перебивая, потом спросила:

— Ты хочешь быть главой города?

— Я хочу, чтобы правила работали одинаково для тех, кто входит в кабинет, и тех, кого оставляют в приемной.

— Это ответ юриста. Я спросила про должность.

Я отложила вилку.

— Возможно, хочу.

— Тогда разбирайся, что придется делать каждый день, а не как красиво звучит победа над Кириллом.

— Я не собираюсь побеждать его как мужа.

— Хорошо. Значит, не позовешь меня в ролик, где бывшая директор школы расскажет, какой ты с детства была справедливой.

Я как раз думала, что мама могла бы записать короткое обращение для первых сторонников. Не о детстве, конечно. О моей работе в школьных конфликтах.

— Ты отказываешься заранее?

— Конечно. Семья не доказывает, что ты умеешь распоряжаться бюджетом. Ты сама вчера это объяснила городу.

Мне стало неловко, и это было полезно.

— Поддерживать меня тоже не будешь?

— Буду. Накормлю, когда забудешь поесть. Выслушаю, если не станешь пересказывать пресс-релизы. На сцену не выйду.

Перед уходом мама завернула мне котлеты и сказала, что с Кириллом разговаривать не станет. Ни ругать его, ни уговаривать. Я не просила, но была благодарна за уточнение.

На следующий день я встретила с Арсением Лавровым. Он работал на нескольких муниципальных кампаниях и успел поссориться почти со всеми местными партиями, потому что требовал подтверждать договоренности письмами.

— Коалиция вам не нужна, — сказал он после двадцати минут. — Ее участники хотят разного и объединены только неприязнью к действующему мэру. Выдвигайтесь самостоятельно. Откроем счет, зарегистрируем уполномоченных, соберем подписи с запасом. Дороже и тяжелее, зато никто не принесет вам список будущих назначений после победы.

— Сколько подписей?

Он назвал установленный законом минимум и предложил собрать почти в полтора раза больше, потому что часть неизбежно исключат при проверке.

— Три тысячи качественных, — подвел он итог. — Десять дней. Потребуется обученные сборщики и ежедневная проверка.

— Бюджет?

Арсений придвинул расчет. Он был выше таблицы Нины на двести тысяч.

— На чем сократить?

— На рекламе первой недели. У вас уже есть узнаваемость.

— Из-за развода.

— Источник внимания не обязывает вас делать развод содержанием кампании. Но отрицать его бессмысленно.

— И вы не предложите лозунг про слабости мужа?

— Предложу, если вы захотите проиграть регистрацию, но собрать много комментариев.

Арсений положил передо мной календарь и заставил пройти обычный рабочий день главы города. Собрание в семь тридцать, прием, заседание думы, подписание актов, выезды, региональные переговоры. Вечером — документы, которые нельзя перенести из-за семейного ужина.

— Вы умеете вести стратегические дела и организацию из восьми человек, — сказал он. — В администрации больше двух тысяч сотрудников и учреждений. Почему считаете, что справитесь?

— Не считаю заранее. Умею ставить задачу, проверять полномочия и слушать специалистов. Для остального нужна команда.

— Назовите будущего первого заместителя.

— Не назову до оценки действующего состава и открытой процедуры.

— Избирателям нужен человек.

— Им нужна гарантия, что я не раздам должности на этой встрече.

Он спросил о мосте, тарифах, дефиците водителей и отношениях с областным правительством. На трех вопросах я честно признала недостаток данных. Арсений записал их в отдельную колонку.

— До объявления вы должны знать хотя бы предел незнания, — сказал он. — Если начнете отвечать на все как юрист, вас разберут на первом эфире.

Мы договорились привлечь независимых экспертов по транспорту и бюджету с оплатой из фонда после его открытия. До этого они могли только назвать открытые источники. Ни один не получал обещания о должности.

Затем Арсений показал опрос без моей фамилии. Люди называли главными проблемами дороги, стоимость жилья и закрытость решений. Развод в вопросах не упоминался.

— Кампания должна стоять на этих трех темах, — сказала я.

— А внимание все равно придет через вашу семью.

— Пусть приходит. Уйти оно должно с пониманием программы.

Мы договорились, что он подготовит календарь процедур и договор на сопровождение. Я попросила день на окончательное решение.

Перед уходом Арсений назвал еще одну цену: все мои старые дела, гонорары, гранты и публичные выступления станут объектом проверки.

— Если есть факт, который вы надеетесь объяснить после регистрации, лучше найти его сейчас.

Я вспомнила рассылку семинара, о которой говорила Нина.

— Один такой факт есть.

— Насколько плохой?

— Данные ста восьмидесяти шести участников могли использовать не по первоначальной цели. Я остановила рассылку, но не провела полный разбор.

— Документы сохранились?

— Да.

— Тогда поднимайте. И не отдавайте мне контакты. Мне нужна хронология и правовая оценка.

Его первая реакция была не спрятать проблему и не использовать базу, а ограничить собственный доступ. Это повлияло на мое решение сильнее любой презентации коалиции.

Вечером разложила на кухонном столе три стопки: документы центра, черновик кампании и материалы по разводу. Работать одновременно во всех трех ролях было невозможно. Чтобы идти на выборы, мне предстояло отказаться от ежедневного управления делом, которое я создавала двенадцать лет. Чтобы не идти, достаточно было объяснить себе, что публичная политика грязнее правовой помощи и потому не достойна моих усилий.

Этот аргумент звучал удобно. Слишком удобно.

Десятого мая я подписала заявление на отпуск, согласие Нины временно исполнять обязанности и договор с Арсением. Банк принял документы на специальный счет. В бывшей типографии пахло краской и старым деревом, но арендодатель обещал освободить второй этаж за сутки.

Оставался Кирилл.

Я позвонила ему до объявления. Он ответил после первого сигнала.

— Что случилось?

— Ничего. Предупреждаю заранее: сегодня в четыре я объявлю о самовыдвижении на должность главы Реченска.

Несколько секунд я слышала только шум его кабинета.

— Ты серьезно.

— Да.

— Из-за фильма?

— Фильм показал проблему. Решение я приняла после изучения процедур, денег и команды.

— Ты никогда не хотела работать в администрации.

— Я не хотела получать должность через тебя. Это другое.

— Лиза, сейчас любой твой шаг будет выглядеть мстью.

— Тогда тебе придется спорить с моей программой, а не с тем, как она выглядит.

— Сними объявление хотя бы на неделю. Мы спокойно обсудим последствия.

— Городская должность не является семейной собственностью. Я не прошу у тебя согласия.

Он замолчал, затем спросил:

— Чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты узнал это от меня, а не от Марка.

— Узнал.

Мы попрощались без новых уговоров.

В четыре часа в зале типографии стояли два десятка журналистов, несколько будущих волонтеров и те трое, которые остались после встречи в библиотеке. За моей спиной не было семейных фотографий. На стене висела карта Реченска с отмеченными приемными, остановками и районами, где месяцами не отвечали на обращения.

Я рассказала о самовыдвижении, отдельном фонде и отпуске в центре. Потом Софья спросила:

— Вы собираетесь занять кресло собственного мужа?

Фразу из ответа я придумала не заранее. Она появилась потому, что слово «собственного» прозвучало хуже, чем «мужа».

— Господин мэр, освободите кресло. Кому его занять, решит город.

Журналисты получили нужный заголовок. Я — десять дней, чтобы доказать, что за ним существовал кандидат.

ГЛАВА 4. Три тысячи подписей

Первый подписной лист мы испортили за семь минут.

Волонтер записал адрес по памяти, исправил номер дома поверх цифры и предложил обвести ручкой, чтобы было понятнее. Арсений забрал лист, перечеркнул его по правилам внутреннего учета и поднял над столом.

— Вот цена уверенности, что мелочь никого не волнует. В комиссии этот лист не будут читать с пониманием. Его исключат.

На обучении присутствовали двадцать шесть сборщиков. Половина пришла после моего заявления о разводе, остальные знали «Точку опоры» по консультациям. Я попросила каждого ответить, зачем он здесь. Трое сказали, что хотят наказать Кирилла. С ними мы попрощались до начала работы.

— Они готовы бесплатно ходить по дворам, — возмутился Арсений, когда дверь закрылась.

— И объяснять людям, что я кандидат против мужа. Нам нужны подписи за мое участие в выборах.

— Избиратель может подписаться по любой причине.

— Может. Сборщик от моего имени должен уметь назвать программу и не обещать семейного разоблачения.

Он пометил что-то в блокноте.

— Хорошо. Но если мы не соберем запас, моральное превосходство комиссия не регистрирует.

К первому вечеру в штаб принесли четыреста восемьдесят две подписи. После проверки осталось триста девяносто семь. Ошибались в датах, сокращали улицы, путали место регистрации с фактическим проживанием. Один сборщик принес лист, заполненный одинаковым почерком, и уверял, что помогал пожилым людям. Мы аннулировали всю его пачку и расторгли договор.

Я сидела в бывшей типографии до полуночи и проверяла строки вместе с командой. На стенах еще оставались следы от старых стеллажей. Мебель мы арендовали, компьютеры купили из фонда, воду и чай оплачивали по чекам. Нина требовала скан каждой операции, хотя официально занималась центром и приходила в штаб только как уполномоченный представитель после рабочего дня.

— Так мы не уложимся, — сказал Арсений на второй вечер. — Вам нужно больше точек и платные сборщики.

— Сколько можем добавить без сокращения проверки?

— Десять человек. Завтра обучим.

— Добавляй. Интервью на пятницу оставляем.

Он посмотрел на таблицу брака.

— Если процент ошибок не снизится, интервью придется отменить.

Я не ответила. Публичный эфир должен был стать первым разговором о моей программе. Терять его из-за подписей казалось поражением еще до регистрации. Но идти на телевидение, пока штаб копил бракованные листы, было бы глупее.

На третий день я работала на левобережном рынке. Хозяева разрешили поставить стол у выхода после оплаты места из фонда. Люди останавливались охотно, но разговор почти всегда начинался одинаково.

До рынка мы открыли точку у автобусного кольца. Там подписи собирались медленнее. Люди опаздывали на работу, держали сумки и не хотели доставать паспорт рядом с потоком пассажиров. После первого часа Арсений предложил перенести стол ближе к остановке.

— Там муниципальная земля и узкий проход, — сказала я. — Нужно согласование размещения.

— Другой кандидат уже стоит.

— Тогда либо у него есть разрешение, либо нарушение. Нам это не дает права.

Мы оставили стол у арендованного киоска и отправили запрос по общей процедуре. К вечеру администрация подтвердила, что свободная зона у остановки предназначена только для информационных стендов, собирать подписи там нельзя. Чужую точку попросили убрать. Марк тут же обвинил нас в жалобе на конкурента.

— Вы жаловались? — спросила Софья.

— Мы уточняли право размещения для себя. Вот запрос. Решение по другой точке принимала администрация.

Полная копия письма не давала эффективной защиты, зато показывала причину. Мы опубликовали ее без фамилии сотрудника, который отвечал на запрос.

На той же точке ко мне подошел водитель автобуса после смены. Он отказался подписываться, пока я не объясню, откуда возьму людей для новых маршрутов.

— Повышение субсидии не создаст водителей, — сказал он. — У нас половина уходит из-за графика и ремонта.

Я попросила перечислить три причины в порядке важности. Он назвал неоплачиваемые простои, состояние санитарных комнат на конечных и распределение смен. Эти детали не вошли в первую версию моей программы.

— Подпись не поставлю, — предупредил он. — Но если напишете про туалеты, хоть читать начну.

— Напишу только после проверки условий на всех конечных.

Он оставил рабочий контакт не кампании, а независимому транспортному эксперту через открытую форму. Мы не добавили его в рассылку. Через неделю в программе появился отдельный аудит условий труда с ценой и сроком.

— Это вы от мэра уходите?

— Я выдвигаюсь на выборы. Для подписи нужен паспорт, решение о голосовании вы примете позже.

Одни смеялись, другие фотографировали. Пожилая женщина в сером плаще поставила сумку на стол и спросила:

— А чего пять лет молчали, если он такой плохой?

— Я не говорю, что он плохой мэр.

— А зачем тогда вместо него?

За ее спиной уже ждали двое. Сборщик потянулся к следующему листу, но женщина не доставала паспорт.

— Пять лет назад я поддерживала Кирилла, потому что считала его программу лучшей, — сказала я. — Часть обещаний он выполнил. За это время я увидела проблемы, которые администрация не решила, и поняла, что слишком часто молчала, когда была не согласна. Сейчас предлагаю другой порядок работы с обращениями, назначениями и подрядчиками.

— Семейно жили хорошо?

— Это не условие подписи.

Она прищурилась.

— Умеете уходить от ответа.

— На семейный вопрос — да. По программе спрашивайте прямо.

Женщина потребовала объяснить, кто будет отвечать за разбитый проезд к ее дому. Я уточнила адрес, нашла его на карте и признала, что без статуса дороги обещать ремонт нельзя. Можно было добиться обследования и письменного решения о принадлежности. Она выслушала, достала паспорт и подписалась.

— Только мужа грязью не поливайте, — сказала перед уходом. — Его и без вас есть кому.

За четыре часа мы собрали сто семьдесят подписей. Люди спрашивали про автобусы, поликлиники, подвалы и налоги. Несколько человек отказались, услышав, что я признаю сделанное Кириллом. Один мужчина назвал это стовором супругов ради внимания. Я не пыталась убедить всех.

В четверг Нина приехала в штаб с внешним диском в прозрачном пакете.

— Нашла выгрузку, — сказала она. — Сто восемьдесят шесть контактов с семинара. Фамилии, телефоны, электронные адреса. Дата создания совпадает с первой рассылкой штаба.

— Кто открывал?

— Я, в режиме просмотра, чтобы установить содержание. Скопировала журнал доступа и запечатала диск. Исходник остается на сервере центра под ограничением.

Арсений потянулся к пакету.

— Это может понадобиться для оценки рисков.

Нина не отдала.

— Сначала решение наблюдательного совета. Контакты не принадлежат кампании Лизы только потому, что компромат касается ее.

— Я не предлагаю их использовать.

— Тогда вам не нужно видеть список.

Я попросила Арсения выйти на десять минут. Он ушел недовольный, но спорить не стал.

— Что сохранилось кроме файла? — спросила я.

— Твое письмо первому штабу: «Можно пригласить участников на открытую встречу».

Ответ Марка с просьбой выгрузить контакты. Моя записка после жалобы одного участника и твое распоряжение прекратить рассылку.

— Согласий на агитацию нет.

— Нет. Возможно, встреча формально проходила до начала агитационного периода. Для центра это ничего не меняет. Мы обещали использовать данные для семинара и наших программ.

Я помнила имя мужчины, который возмутился. Николай Осипов. Он позвонил в приемную и спросил, почему номер, оставленный юристам по жилищному спору, оказался у политического штаба. Я извинилась, удалила его запись и запретила вторую рассылку. Потом начались последние недели кампании, Кирилл победил, а я не вернулась к вопросу.

— Подготовь хронологию без списка людей, — сказала я. — И проект сообщения совету.

— Сейчас?

— После регистрации. Я не хочу смешивать внутреннюю проверку с подачей подписей.

Нина смотрела на меня дольше обычного.

— Это можно понять как желание сначала стать кандидатом.

— Понимаю. Нам нужно установить факты и способ уведомления, прежде чем сообщать людям через заголовки. Но если появится запрос раньше, отвечаем правду.

— Запишу решение и дату.

Она убрала диск. Я вернула Арсения и сообщила только то, что имело отношение к кампании: старая база существует, использовать ее запрещено, готовится внутренний аудит центра.

— Противник ее найдет, — сказал он.

— Значит, у нас не будет права изображать удивление.

В пятницу мы выехали во двор на улице Тепличной. Рядом администрация проводила официальный осмотр ремонта теплотрассы. Я узнала служебную машину Кирилла и увидела Антона Стрельцова с папкой схем. Наши мероприятия совпали из-за графиков, а не по чьему-либо замыслу. Все равно камеры повернулись в мою сторону, когда Кирилл вышел из-за ограждения.

Марк шел следом и что-то говорил оператору пресс-службы. Кирилл остановился, посмотрел на наш стол, затем обратился к сотруднице с камерой:

— Снимаем только объект и жителей, которые дали согласие. Предвыборную точку в служебный сюжет не включать.

Он не подошел ко мне. Я продолжила разговор с жильцами. Через несколько минут официальный выезд переместился к соседнему дому.

— Муж испугался? — спросил молодой человек у стола.

— Он разделил служебную съемку и мою кампанию. Так и должно быть.

— Вы его еще и хвалите.

— Я называю действие.

Вечером Арсений принес итог проверки: процент ошибок снизился, но запаса все еще не хватало. Пятничное интервью начиналось через два часа.

Перед решением об эфире мы провели выборочную проверку ста листов двумя разными группами. Результаты не совпали: одна исключила восемь строк, другая — четырнадцать. Причиной оказались разные правила по сокращениям адресов.

— Если наши проверяющие расходятся, комиссия тем более выберет строгий вариант, — сказала я.

Арсений вызвал специалиста по регистрационным данным. Тот составил единую памятку и разобрал каждый спорный пример. Часть сокращений допустили, часть подписей мы исключили сами. Счетчик снова снизился.

Волонтер, собравший большую пачку, потребовал оставить ее полностью.

— Люди стояли по двадцать минут. Вы выбрасываете их поддержку из-за одной буквы.

— Мы не выбрасываем поддержку. Мы не можем представить строку, которую признаем сомнительной.

— Тогда позвоните людям и перепишите.

— Контакты из подписного листа нельзя превращать в базу обзвона. Новую подпись человек ставит только при личной встрече без давления.

Он ушел со смены, но на следующий день вернулся на другую точку и собрал меньше листов с лучшим качеством.

— Если поедете, завтра соберем минимум впритык, — сказал он. — Можно рискнуть. Эфир даст новых волонтеров.

— А если часть текущих листов исключат?

— Тогда придется добирать в последний день.

Я позвонила редактору и отказалась от эфира. Вместо студии мы добавили субботние точки и заново проверили районы, где адреса вызывали сомнения.

К вечеру субботы у меня болели ноги, голос стал ниже, а на правой ладони осталось синее пятно от штампельной краски. В штабе никто не праздновал, когда счетчик показал нужное число. Сначала мы закрыли дверь, распределили листы по проверяющим и начали все заново.

В воскресенье к полудню у нас был законный запас. Арсений разрешил заказать обычную еду из фонда по утвержденной смете, Нина сверила платеж, волонтеры заняли весь длинный стол.

Перед закрытием последней точки ко мне подошла Светлана Рогова, председатель дома на Овражной. Мы познакомились год назад, когда она пыталась добиться пандуса у районной приемной. Здание арендовали у частного собственника, администрация ссылалась на договор, собственник — на отсутствие денег. Центр помог составить иск, но до исполнения решения дело еще не дошло.

— За вас подписались шесть человек из нашего дома, — сказала Светлана. — Двое голосовать пока не обещали.

— Подпись и не обязывает.

— Я им так и сказала. А теперь ответьте: если выиграете, приемную перенесете или будете еще год переписываться?

Я знала стоимость переезда только приблизительно и могла легко пообещать то, что выглядело справедливым.

— За первый месяц проверю договор, доступные помещения и цену досрочного расторжения. Решение опубликую со сроком. Если быстрее исполнить требование в нынешнем здании, заставим собственника исполнить. Назвать сейчас вариант было бы выдумкой.

— Кирилл Андреевич тоже любит сначала проверять.

— В этом он прав.

Светлана улыбнулась.

— Значит, развод у вас все-таки не по программе.

— По программе у нас доступ в муниципальные здания.

Она подписала лист последней и попросила не печатать ее фотографию. Сборщик отметил запрет в журнале точки. Именно в эту минуту я поняла, зачем ежедневно останавливала людей, готовых помочь слишком быстро. Кампания, которая обещала уважать согласие, должна была начинать с маленьких неудобных отказов.

— Теперь можно сказать, что вы кандидат? — спросила Ирина Сафонова.

— Я выдвинулась. Кандидатом стану после регистрации.

— Когда вас выберут, люди возненавидят эту точность.

— До этого им придется выбрать.

Телефон завибрировал. Дарья написала, что прилетает завтра утром и забронировала гостиницу у вокзала.

«Хочу поговорить с вами обоими. Вместе. И не пытайтесь встретить меня по очереди».

Я показала сообщение Нине.

— Умная девочка, — сказала она.

— Взрослая женщина.

— Тем более не опаздывай.

Я посмотрела на три тысячи подписей, собранных людьми, которых нельзя было вызвать одной старой рассылкой. У кампании появился собственный след. У нашей семьи на следующий день должна была появиться граница, установленная уже не мной.

ГЛАВА 5. Семейный архив

Дарья прилетела в Реченск и отказалась сообщить, кто встретит ее в аэропорту.

— Я заказала машину, — сказала она по телефону. — И поселилась у вокзала. В кафе на первом этаже буду в два. Приходите оба.

— Ты могла остановиться у меня.

— Могла. Тогда папа решил бы, что я выбрала тебя. Если поеду в дом, ты решишь обратное. Гостинице все равно.

В двадцать лет она уже умела называть цену чужих ожиданий лучше, чем мы в сорок.

Я приехала без пяти два. Кирилл вошел через другую дверь почти одновременно. На нем не было пиджака, в руках он держал тонкую папку. Мы поздоровались как люди, которых пригласили на рабочую встречу.

Дарья сидела у окна. Она коротко подстригла волосы для учебной съемки и стала похожа на Кирилла в том возрасте, когда мы познакомились. Сходство раздражало только потому, что я сразу его заметила.

— Садитесь, — сказала она. — И заказывайте сейчас. Я не буду слушать, как вы по очереди утверждаете, что не голодны.

Кирилл выбрал суп, я чай и салат. Дарья дождалась официанта, положила на стол два одинаковых конверта и подвинула нам.

— Это требования прекратить использование моего изображения, голоса и сведений об учебе в любой агитации. Бумажную копию я отправила в оба штаба, электронную — на официальные адреса. Университетская юридическая клиника помогла с формулировками.

Кирилл открыл конверт.

— Мой штаб уже снимает твои кадры.

— Тогда ему будет легко подтвердить исполнение.

— Я могу оплатить отдельного юриста, если понадобится претензия к каналам.

— Не можешь. То есть деньги у тебя есть, но мне не нужен юрист, выбранный отцом-кандидатом. В клинике помогают бесплатно.

Он закрыл папку, которую принес. Вероятно, там лежал отчет об удалении фильма.

— Хорошо. Если понадобятся документы от штаба, направляй запрос.

— Уже направила.

Дарья повернулась ко мне.

— Ты тоже получила.

— Да.

— Значит, ни слова в интервью о том, где я учусь, что снимаю и как переживаю развод. Фразу «дочь поддерживает» не используете ни один, даже если я вам это скажу частно.

— Я не собиралась.

— Мам, в твоём первом обращении было: «Наша взрослая дочь не участвует в конфликте». Ты уже сообщила обо мне, чтобы показать свою правильность.

Я хотела возразить, что защищала ее от звонков. Потом поняла, что для этого достаточно было не отвечать на вопросы.

— Согласна. Больше не буду.

Кирилл посмотрел на меня, но промолчал.

Дарья достала телефон и открыла остановленный кадр из фильма.

— Кто разрешил взять выпускной?

— Я утвердил финальную версию, — сказал Кирилл.

— Ты видел мамино письмо?

— Основное уведомление видел. Проверку условий поручил штабу.

— Понятно. А ты? — спросила она меня.

— Я запретила использование всех семейных материалов два месяца назад.

— Не сейчас. Пять лет назад кто попросил меня сниматься?

За соседним столом звякнула ложка. Я смотрела на дочь и вспоминала день первой съемки. Дарье было пятнадцать. Она хотела уйти к подруге, а я попросила остаться еще на час, потому что семейный фрагмент требовался к сроку. Она согласилась после моего обещания купить пиццу.

— Я, — ответила я. — Я сказала, что это важно для папиной кампании.

— И что все семьи иногда помогают друг другу.

— Да.

— Я не умела тогда спорить с вами обоими.

— Ты не обязана была уметь. Спросить иначе должны были мы.

Кирилл положил ладонь рядом с конвертом, но не коснулся руки дочери.

— Я отвечаю за то, что кадры сохранили и использовали сейчас.

— А я не собираюсь выдавать вам справку, кто виноват больше, — сказала Дарья. — Уберите записи. Разводите без моих комментариев. Выборы проводите без семейных фотографий. Это все.

Официант принес еду. Несколько минут мы занимались тарелками. Кирилл спросил Дарью об учебном проекте, она напомнила о запрете упоминать учебу в агитации, но ответила. Она снимала короткий фильм о диспетчерах ночных поездов и собиралась вернуться к монтажу через два дня.

— Еще один вопрос, — сказала Дарья. — Когда развод станет официальным?

— После установленного срока, дату пока не назначили, — ответила я.

— Дом делите?

— Продаем и делим общие средства поровну.

— Я там зарегистрирована?

— Нет. Ты зарегистрирована в общежитии по месту учебы, постоянная регистрация осталась у меня на Речной.

— Значит, для документов от меня ничего не нужно?

— Ничего, — подтвердил Кирилл. — Ты совершеннолетняя и не участвуешь в разделе.

Дарья проверила наши ответы так же, как проверяла бы героев своего фильма.

— Не хочу узнать из новостей, что мне подарили дом или оставили семейную реликвию ради красивого жеста.

— Не узнаешь, — сказала я. — Если захотим передать тебе вещь, сначала спросим.

— Хорошо. И не называйте меня причиной сохранить нормальные отношения. Сохраняйте, если сами можете.

Кирилл отложил ложку.

— Мы не будем мириться ради тебя.

— Вот это можно было сформулировать мягче.

— Ты просила говорить как человек. Навык еще развивается.

Дарья рассмеялась, потом сразу стала серьезной.

— Я люблю вас обоих. Это ничего не говорит о том, кто прав в каждом эпизоде. Если один будет требовать отчет о втором, я перестану отвечать на обоих номерах.

Мы согласились. Ее условие не звучало как семейная мудрость. Это была практическая мера человека, которого уже пытались поставить между родителями.

— Я приехала не мирить вас, — добавила она. — Мне просто нужен был одинаковый ответ при свидетелях.

— Получила? — спросил Кирилл.

— Получила два обещания. Ответ будет после исполнения.

Он чуть улыбнулся.

— В мать.

— Не надо, — сказала Дарья. — Это тоже способ разделить меня между вами.

Кирилл сразу посерьезнел.

— Принято.

Я увидела, как дочь едва заметно закатила глаза.

— Пап, ты можешь иногда говорить как человек, а не протокол?

— Постараюсь.

— Уже лучше.

После обеда Дарья попросила Кирилла остаться на пятнадцать минут. Я не спросила зачем. Вышла в холл, оплатила свою часть счета и написала Арсению, что дочь исключена из любых материалов, включая ответы на вопросы. Он прислал короткое подтверждение и попросил копию требования для журнала согласий.

Кирилл догнал меня у выхода.

— Подрядчик удалил основной ролик и нарезки с наших площадок, — сказал он. — Вот отчет и список каналов, которым отправляли файл. Часть не отвечает. Наш юрист готов присоединиться к требованию Дарьи об удалении.

— Через ее университетского юриста. Без общего заявления родителей.

— Я понимаю.

— Почему список появился только сегодня?

— Студия собирала подтверждения. Семь размещений сняты, четыре оставили копии, три утверждают, что получили файл не от нас.

— Передай Маргарите полный отчет.

Он протянул папку. Я не взяла.

— Через адвоката.

— Лиза, это просто копия.

— Именно поэтому ее легко отправить официально.

Он опустил руку.

— Хорошо.

Дарья вышла с рюкзаком на одном плече.

— Я вечером встречаюсь с друзьями. Завтра у меня свои дела. Послезавтра улетаю.

— Ужин? — предложил Кирилл.

— Отдельно с каждым. И без фотографий.

— У меня в квартире фотографировать некому, — сказала я.

— Мам, журналисты нашли твой подъезд за сутки. Не недооценивай людей с телефонами.

Она обняла нас по очереди и ушла к лифту. Кирилл предложил проводить, но получил отказ.

— Мы сделали ее осторожной, — сказал он, когда двери закрылись.

— Она учится документальному кино. Осторожность с изображением входит в профессию.

— Ты сейчас защищаешь нас или ее?

— Не знаю.

Это был первый честный ответ, который я дала ему без подготовки.

Мы вышли из гостиницы. На тротуаре Кирилла ждала личная машина, моя стояла через квартал. Он не предложил подвезти.

— Комиссия начинает проверку подписей завтра, — сказал он. — Дебаты назначат после регистрации.

— Если она состоится.

— Запас у тебя достаточный.

— Откуда знаешь?

— Цифру назвал журналист. Не штаб.

— И что твои люди готовят по центру?

— Я запретил использовать Дарью и развод. По остальному кандидаты будут проверять друг друга.

— Я еще не зарегистрирована.

— Ты уже соперник.

Он произнес это без насмешки. Внутри меня отозвалось старое удовольствие от его признания моей силы, и я разозлилась на себя раньше, чем на него.

— Тогда увидимся на дебатах.

— Увидимся в комиссии.

Вечером Дарья пришла ко мне с пакетом продуктов и потребовала показать квартиру. Она заглянула в спальню, проверила, есть ли нормальное постельное белье, и остановилась у неразобранной коробки.

Перед ужином мы подключились к видеовстрече с юристом университетской клиники. Дарья разрешила мне присутствовать только на части, где обсуждались общие требования к штабам. Личную консультацию она провела в спальне с закрытой дверью.

Юрист объяснил, что удаление оригинального ролика со страниц штабов не гарантирует исчезновения копий, но позволяет требовать прекращения контролируемого распространения. Для чужих каналов потребуются отдельные обращения с фиксацией ссылок. Он попросил родителей не вести переговоры от имени Дарьи.

— Если подрядчик предложит единое соглашение? — спросила я.

— Направьте Дарье, она решит с представителем. Вы можете координировать техническую опись только с ее письменного согласия.

Кирилл присоединился из своего штаба и сообщил, что основной фильм снят с семи площадок. Юрист запросил подтверждения, а не устное заявление. Круглов отправил их в чат встречи.

— В одном отчете закрыта только главная версия, — заметила Дарья. — Короткая нарезка с выпускным еще доступна.

Кирилл проверил ссылку.

— Удалим сегодня.

— Кто «мы» и к какому часу? — спросила она.

Он назвал ответственного сотрудника и срок. Через два часа ссылка перестала открываться, а в общий журнал пришел снимок панели удаления. Дарья не поблагодарила. Исполнение ее требования не было подарком.

После общей части она попросила нас отключиться. Я закрыла ноутбук и не пыталась услышать разговор через дверь. Когда Дарья вышла, не спросила, что советовал юрист. Она сама положила копию требования в папку и сообщила только то, что касалось меня: все ответы теперь шли на ее адрес, родители получали копии по выбранным пунктам.

— Папины вещи?

— Общие фотографии и папки первой кампании.

— Почему не разобрала?

— Не было времени.

— У тебя все трудное становится задачей, на которую пока нет времени.

— Ты обещала не быть семейным психологом.

— Я и не психолог. Просто коробка стоит посреди комнаты.

Мы приготовили пасту. Дарья рассказала о съемках и один раз попросила не давать советов, потому что ей нужен был слушатель. Я послушалась. Перед уходом она сняла с моего холодильника старый магнит с фотографией нашей семьи у реки.

Потом она все-таки открыла коробку в спальне. Сверху лежали запасные ключи от дома, под ними — папка первой съемки. Дарья вынула лист, на котором мы с Кириллом дали согласие на использование ее изображения как законные представители несовершеннолетней дочери.

— Моей подписи здесь нет, — сказала она.

— Тебе было пятнадцать. Формально подписывали мы.

— Я не про формальность. Здесь даже строки для меня нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.